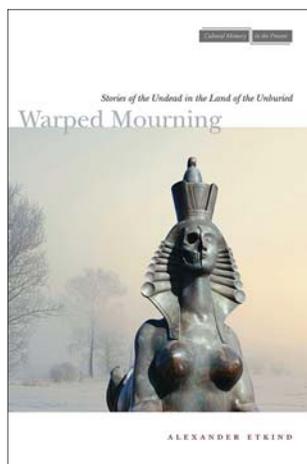

«Советское прошлое не подлежит вторичному употреблению»

АЛЕКСАНДР ЭТКИНД О ТОМ, ЧТО НЫНЕШНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ НЕ ВОЗВРАЩАЮТ НАС В СССР

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СТЭНДФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЫШЛА КНИГА ПРОФЕССОРА ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ВО ФЛОРЕНЦИИ АЛЕКСАНДРА ЭТКИНДА «WARPED MOURNING: STORIES OF THE UNDEAD IN THE LAND OF THE UNBURIED» («КРИВОЕ ГОРЕ. ПАМЯТЬ О НЕПОХОРОНЕННЫХ»), ПОСВЯЩЕННАЯ ТОМУ, КАК ОТРАЗИЛСЯ ОПЫТ РЕПРЕССИЙ НА СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ. АННА НАРИНСКАЯ ПОГОВОРИЛА С АЛЕКСАНДРОМ ЭТКИНДОМ О НЕПРОЯСНЕННОСТИ НАШИХ ОТНОШЕНИЙ С СОВЕТСКИМ

Вы начинаете книгу с рассказа о пятирублевой купюре 1998 года, которая и сейчас в обращении: на ней изображен не Соловецкий монастырь, а Соловецкий лагерь, СЛОН — на картинке вместо куполов пирамидальные башни. Эти башни соорудили в двадцатые годы заключенные, и в таком виде монастырь существовал до реставрации в 1980-х. В 2011-м картинку на купюре без всяких комментариев поменяли, башни стали куполами, что, пишете вы, ясно выражает перемены, произошедшие за эти десятилетия. Теперь на отечественной валюте нет места памяти о терроре. Тут хочется заметить: это редкая вещь, в которой с нашим начальством хочется согласиться.

А прежний вариант, на мой взгляд, был очень символичным. На других российских купюрах изображены места отечественного величия и гордости, так что изображение лагеря их хорошо дополняло. Но как бы к этому ни относиться, мы все носим с собой в карманах и кошельках память о репрессиях и их жертвах.

Если уж говорить о символах, то купюра с изображением лагеря может служить метафорой распространенного суждения, что мы в России в свое время променяли свободу на благополучие.

Да, многие проблемы в свое время были засыпаны нефтедолларами. И сейчас, когда эти богатства исчезают, многое из того, что не было заметно раньше, оказывается явным.

Одной из этих «засыпанных нефтедолларами проблем» можно считать невыясненность наших отношений с советским? В частности, то, что здесь никогда не прозвучало полноценного приговора травме сталинизма?

Травме? Я предпочитаю использовать слово «катастрофа». Эта катастрофа была выявлена,

обнародована и предъявлена миру еще до того, как здесь о ней во всеулышание было объявлено в 1956 году. Другое дело, что процесс принятия этого знания оказался длительным, трудным, неровным, полным всяких разворотов и поворотов. При этом я уверен, что сегодняшние проблемы не связаны с наличием или отсутствием приговора сталинизму, который, повторюсь, был вынесен и не раз. И нынешняя ситуация никак не возрождает сталинизм или вообще советскость. Мы видим совершенно новые поступки и новые ошибки. При этом многие из этих поступков совершаются и уж точно воспринимаются как знак возвращения былого величия.

Да, прошлое преследует настоящее подобно призраку. В науке принято сопоставлять то, как справились со своими катастрофами Германия и Россия; в моей книге истории этих сравнений посвящена отдельная глава. Но нельзя назвать какой-то определенный момент, когда Германия освободилась от своего прошлого и «закрыла» этот вопрос. Она все еще сражается со своими призраками; сражается с ними и Россия, хоть и совсем иначе. Мне очень не нравится интерпретация сегодняшних бед как следствия непереработанного прошлого. Политические решения принимаются в настоящем, и те, кто их принимает, ответственны только перед настоящим.

При этом власть считает важным для себя «владение прошлым». Об этом свидетельствуют законы о «фальсификации истории», введение единого учебника истории, скандал, связанный с вопросом о блокаде, заданным на телеканале «Дождь».

И возможное закрытие общества «Мемориал»... Но эти операции в отношении прошлого — совсем не главные операции, которые осуществляются сегодня.

При этом операции главные часто проводятся под флагом прошлого. И народная поддержка этих операций во многом базируется на возможности возвращения «славного прошлого». И что знаменательно: чуть ли не главные носители ностальгии, восклицающие «какую страну просрали!», — достаточно молодые люди, вроде писателя Прилепина, которые настоящей советской власти и не знали. Это такая фантомная ностальгия.

«Кажую страну просрали!» — это чувство, характерное для первых десятилетий после крушения империи. Оно было и в Англии после отделения колоний, и во Франции после Алжирской войны. Но одно дело, когда на основании этого чувства пишутся романы, а другое — когда принимаются политические решения. То, что нынешние политические решения отсылают к советскому прошлому, — обманка. Вот, скажем, избирательно присоединяются территории на основании того, что при Советском Союзе они были «наши», но в то же время вводятся драконовские меры по отношению к таджикам, пребывающим в Москве. Но они ж были в Советском Союзе! Это очень избирательный ресентимент.

А об освоении советского прошлого, я хочу сказать вот что. Есть такой образ: советское прошлое являет собой нечто вроде египетских пирамид, которые стоят огромные и величественные, но совершенно не у дел. Они такие большие, что местное население, как египетские крестьяне, неспособны разобрать эти пирамиды и использовать по какому-нибудь новому назначению. И пирамиды сохраняются именно потому, что не подлежат вторичному употреблению. Это спорная метафора, и я не вполне согласен с тем, что советское прошлое так уж велико или загадочно. Но что оно не подлежит вторичному употреблению — это точно.